
А. А. Горбунова (Барнаул)

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Доверие является одним из важнейших факторов, определяющих социальные отношения. Более того, оно рассматривается как необходимый механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность повседневной жизни индивидов и всего общества в целом.

Рассматривая доверие как социологическую категорию, выделяют обобщенное, межличностное и институциональное доверие. Обобщенное доверие, как правило, оценивается как согласие с утверждением «Большинству людей можно доверять» и выступает своего рода мерой оценки нормативного взаимодействия людей в обществе, его предсказуемости и безопасности. Межличностным определяется доверие, оказываемое непосредственному социальному окружению (родственникам, друзьям, знакомым, соседям) и представителям различных социальных групп. Как отмечает А. В. Кученкова, данный вид доверия обладает высокой значимостью в повседневной жизни, выступая на индивидуальном уровне регулятором ежедневных коммуникаций и действий людей, на групповом — снижая напряженность, способствует формированию групповых идентичностей, отношений сотрудничества, сохраняя устойчивость и интегрированность общества, поддержку институтов власти и их политики [1, с. 27]. Что касается институционального доверия, то оно рассматривается в контексте функционирования существующих в обществе социальных институтов и организаций.

Современное состояние межличностного доверия в российском обществе оценивается на достаточно низком уровне. Более того, часто ситуация в данной области определяется как кризис доверия. Так, на основе данных ВЦИОМ и ФОМ начиная с 1995 года по 2013 год В. О. Киселев отмечает, что показатели недоверия в российском обществе практически трехкратно превышают уровень доверия [2, с. 32–36]. С. В. Кученкова, анализируя данные всероссийского опроса в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразова-

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–33–00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019).

ний (1990–2010 гг.)» также определяет уровень доверия в современном российском обществе как проявление осторожности [1, с. 31].

Данные опросов населения 6 современных регионов России (n=2400) в рамках апробации исследования тенденций развития институционального и межличностного доверия в современной России позволяют говорить о невысоком уровне обобщенного и институционального доверия. Так, средний уровень обобщенного доверия в целом по выборке составил 4,57 (в рамках указанного социологического исследования данный показатель определялся с помощью оценки утверждения «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять — или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» (от 1 «с людьми следует быть осторожными» до 10 «можно доверять полностью»).

Уровень доверия непосредственному социальному окружению несколько выше и составляет 6,20. При этом наиболее высокий уровень межличностного доверия респонденты демонстрируют близким, родственникам («полностью доверяют» и «скорее доверяют» 87,1% респондентов), а также друзьям и близким знакомым (69,3%), значительно реже — соседям и коллегам по работе (31,8% и 29,2% соответственно).

Что касается различных социальных объединений и организаций, то наибольшим доверием среди населения в настоящее время пользуются Русская Православная церковь (37,8%), общественные и благотворительные организации, общества защиты прав потребителей (29,2%, 28,6% и 29,4% соответственно). Несколько реже население доверяет правозащитным организациям (20,9%) и национально-культурным объединениям (18,0%), еще реже — средствам массовой информации, этническим диаспорам и ТСЖ (14,0%, 12,5% и 11,8% соответственно). Наименьший уровень доверия опрошенные демонстрируют по отношению к политическим партиям (9,5%).

Среди органов государственной власти и общественных институтов на первых местах по уровню доверия располагаются Президент Российской Федерации и Российская армия (69,3% и 65,8% соответственно). Далее по значимости находятся Правительство Российской Федерации (47,0%) и такие силовые структуры, как суд и прокуратура (41,8% и 42,8% соответственно). Еще реже респонденты доверяют Губернатору или Главе Правительства региона (39,9%), Государственной Думе Российской Федерации (36,8%), Пенсионному фонду Российской Федерации (36,3%) и полиции (36,2%). Региональным и местным органам власти (администрации, региональные законодательные собрания, муниципальные (городские, районные) орга-

ны власти) в той или иной степени доверяют порядка 30% опрошенных респондентов, на данном уровне также находится доверие Общественной палате Российской Федерации. Невысоким уровнем доверия среди респондентов пользуются банки и различные государственные корпорации (25,3% и 28,2% соответственно), но меньше всего респонденты доверяют бизнесу и страховым компаниям (23,3% и 20,7% соответственно).

При этом представители различных социально-демографических групп демонстрируют разный уровень доверия отдельным людям, социальным группам и организациям. Так, коллегам по работе и соседям в большей степени доверяют представители старшей возрастной группы (50–70 лет), в то время как среди молодежи (18–29 лет) выше уровень доверия друзьям и близким знакомым. Среди респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, выше уровень доверия коллегам по работе и соседям.

В отношении различных общественных организаций и объединений можно отметить, что для старшей возрастной группы характерны высокие значения доверия Русской Православной церкви. Данную тенденцию также подтверждает тот факт, что по сравнению с другими группами люди, никогда не состоявшие в браке (куда вероятнее попадают представители более молодого поколения), меньше доверяют данной религиозной организации. При этом уровень доверия церкви и другим религиозным организациям снижается с повышением уровня образования. Люди с высшим образованием также реже демонстрируют доверие средствам массовой информации. Также можно выделить некоторые особенности доверия по гендерному аспекту. Так, мужчины в меньшей степени склонны доверять различного рода общественным организациям, обществам защиты прав потребителей и благотворительным организациям, а также Русской Православной церкви, этническим диаспорам и национально-культурным объединениям.

Что касается различий в уровне доверия органам государственной власти и государственным структурам, то выявлено, что старшее поколение по сравнению с другими возрастами больше доверяет Президенту и российской армии. Респонденты средней возрастной группы (30–49 лет) отличаются наименьшими показателями доверия региональным органам (администрации региона, Законодательному собранию, муниципальным органам власти) и Общественной палате Российской Федерации. В свою очередь, молодежь демонстрирует высокие значения доверия бизнесу и страховым компаниям, уровень которого снижается с увеличением возраста. Женщины по срав-

нению с мужчинами характеризуются более высокими значениями доверия таким органам государственной власти, как Правительство и Государственная Дума, а также Общественная палата, прокуратура и государственные корпорации.

Помимо высоких значений межличностного доверия именно люди ближайшего окружения (семья, родственники, друзья, знакомые, коллеги) рассматриваются как источник поддержки в трудной жизненной ситуации. Данный факт подтверждает С. В. Мареева, анализируя общероссийские исследования ИС РАН и РАНХиГС и выше упомянутые данные ЖМ-2014. При этом в первую очередь за помощью предпочитают обращаться к родственникам или друзьям, реже — к соседям и коллегам [1, 3]. Подтверждают это и данные представленного исследования. Так, в случае нарушения гражданских или политических прав респонденты в первую очередь готовы обратиться к ближайшему социальному окружению: семье, друзьям, коллегам или своей общине (78,8%). Достаточно высоким уровнем доверия в данном аспекте также пользуются правоохранительные органы: милиция, суд, прокуратура, к которым в первую очередь обратились бы 33,9% опрошенных, во вторую — 41,4%.

Третью позицию в данном рейтинге занимают правозащитные и общественные организации, в которые в первую или во вторую очередь обратились бы суммарно 73,4% респондентов (22,4% и 51,0% соответственно). К региональным органам власти респонденты готовы обратиться преимущественно во вторую (39,9%) или третью очередь (47,9%). А что касается федеральных органов власти и средств массовой информации, то более половины опрошенных обратились бы за помощью в данные структуры только в третью очередь (64,8% и 60,8% соответственно).

Таким образом, результаты исследований показывают, что в настоящее время наблюдается более высокий уровень межличностного доверия с доминирующей ориентацией на ближний круг общения (семью, родственников и близких друзей). Что касается показателей институционального доверия, то они выше в отношении федеральных органов власти и правоохранительных структур, в то время как различные общественные и гражданские сообщества и организации характеризуются невысоким уровнем доверия у населения.

Библиографический список

1. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 26–36.

2. Киселев В. О. Соотношение категорий социального и институционального доверия: теоретические подходы и проблема эмпирического изучения // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 12. — С. 34–37.

3. Мареева С. В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян // Terra economicus. — 2015. — Т. 13. — № 3. — С. 124–135.

А. Н. Домашев, Н. В. Прокопьева (Барнаул)

МИФ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Миф занимает особое положение в составе знаково-символического комплекса этнической культуры. Он обладает такими специфическими чертами, которые дают возможность формировать смыслы и установки этнической общности, не поддающиеся логическому обоснованию. Миф можно определить как субъективный взгляд на мир, который имеет социальную сущность. Субъектом, который его вырабатывает, является социальная общность. Миф обладает собственной рациональностью, которая реализуется в рамках его собственных понятий об опыте и разуме. Соответственно миф имеет свою собственную форму систематической гармонизации: он упорядочивает явления в их взаимосвязи, используя для этого «логику» своего «алфавита» [1, с. 320]. Субъективный характер мифа подчеркивали многие авторы, например, австралийский историк Д. Хорн исходил из того, что «реальность сама по себе не существует», ее создает человек, в результате чего «каждое общество и каждая эпоха обладают разными версиями того, какой должна быть реальность». Он не без основания подчеркивал, что «древние вещи начали превращаться в исторические памятники, главным образом, в ходе становления национальных государств, когда создавалась концепция национальности». На примере музеев наиболее отчетливо видно, как происходит субъективизация прошлого, как из фрагментарных и нередко не имеющих отношения друг к другу исторических источников складывается то, что принято считать национальной историей или историей национальной культуры. Французский историк М. Ферро убедительно показал, что исторические курсы, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты весьма по-разному в зависимости от националь-